

Пьеса въ 2-хъ актахъ.

Изъ

жизни.

Петръ Козловъ.

В О Л О Г Д А.

Типографія И. И. Соколова.

1 9 0 7.

„... .. должно цѣнить умение
всего не жизнь вообще, а
хорошую жизнь“.

Сократъ.

*Посвящую эту работу Сонѣ Благовѣ-
щенской и Лелѣ Тархановой.*

Актъ первый.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

- Семень**—старый рабочій. Онъ провѣрилъ по своему жизнь и примирился съ ней. Когда говорить, всегда поднимаетъ палецъ къверху или жестикулируетъ имъ. Голосъ хриплый, надтреснутый.
- Андрей Корневъ**—30 лѣтъ. Машинистъ. Онъ слѣдно вѣрить въ будущее счастье человѣчества. Быстро раздражается. Когда говорить, рветъ фразы.
- Анна**—жена его, женщина среднихъ лѣтъ, поглощенная хозяйственными хлопотами. Цѣнитъ событія съ точки практичности. У нея одинъ ребенокъ и она предана ему. Идсалье ея дальше семейнаго очага не простираются.
- Васька**—квартирантъ Андрея. Молодь, много пьетъ, говорить прибаутками. Въ немъ есть что-то непріятное.
- Никандръ**.—Пожилый рабочій, товарищъ Андрея. Угрюмый и суровый. Озлобленъ несправедливостью жизни.
- Михайло**—Старикъ-рабочій, собутыльникъ Васьки. На видъ похожъ на интеллигента. Безпринципальный и безвольный человекъ. Въ очкахъ.
- Лавочникъ**.—Толстый, маленькій, очень смѣшной на видъ человекъ, лѣтъ 45.

Дѣйствіе происходитъ въ наши дни.

А К Т Ъ I-й.

Бѣдная комната, въ окна виденъ заводъ. Приближается время обѣда... Анна готовится къ ѣдѣ.. Сѣрый осенній день... Дѣлѣ двери—направо и налево. Первая въ комнату Васьки, вторая въ кухню. При поднятіи занавѣса пауза. Слышится плачь ребенка въ кухнѣ. Анна быстро идетъ туда, слышно ея голосъ, она поетъ: „Баю-ю, о-о-о! Моя милая усни, угомонъ тебя возьми!
О, о, о!“ Возвращается. Шумъ города.

Васька (*изъ-за стѣны*). Хозяйка, сколько часовъ?

Анна. Одинъ.

Васька. Ну, время...

Анна. Скоро обѣдѣ.

Васька (*свиститъ*). Здорово! А рано-ли я вчера пришелъ?

Анна. Андрей пропускаетъ... не знаю...

Васька. Михайло не бываетъ?

Анна. Нѣтъ.

Васька. Надулъ двухглазый.

(*Пауза... Васька приходитъ всклокоченный въ одномъ жилетѣ*).

Васька. Большой я вчера чорту молебень отслужилъ... Торжественно вышло, Анна Николаевна... Голова болитъ... Отъ подучки осталось только опохмѣлиться...

Анна. Да ужь и будетъ пить-то...

Васька. Кто будетъ и тому будетъ.

Анна. Ты-бы умьлся.

Васька. Не стоитъ, снова запачкаюсь.

Семень (*входитъ Семень*). Здравствуйте...

Васька. Мое нѣжайшее. Семену Гавриловичу... Много лѣтъ здравствовать, а еще лучше умереть!

Семень (*сердито*). Собака ты, собака и есть.

Васька. Другая собака лучше человека... Сходи за водкой (*хлопаетъ его по плечу*).

Семень. Отвяжись ты, чортова голова, иди самъ, да и пьянствуй.

Васька. Трр-р-р! Не злись, печенка пошесть.

(*Васька уходитъ къ себѣ, надвѣваетъ пиджакъ и уходитъ за водкой. Семень садится*).

Анна. Что давно не бывали Семень Гавриловичъ?

Семень. Не звать было. А вотъ теперь слушай меня и понимай.

Анна (*садится*). Рассказывай.

Семень. Дѣло идетъ неладное, нехорошее...

Анна (*встревоженная*). Не томн... что опять?

Семень. Выслушай и придержи языкъ за зубами. Вы, бабы, насчетъ этого слабоваты. Ну, а тебя мнѣ жаль... Слышалъ я стороной, что забастовка готовится... Андрей, онъ дуракъ, опять суется, такъ ты придержи его, если не хочешь съ голоду помирать. Только мнѣ доподлинно извѣстно, что забастовщиковъ обратно на заводъ не примутъ, а людей надежныхъ возьмутъ, вотъ ты и сообрази. До поры помалкивай, а какъ услышишь отъ кого другого и начинай ему поговаривать... Поняла?

Анна (*съ тоской и сомнѣніемъ*). Господи Боже! да неужели опять?

Семень. И пришелъ къ тебѣ не шутки шутить, запомни и про меня ни-ни... Ну, прощай, скоро онъ придетъ... Парочно зашелъ.

(*Семень уходитъ, сталкивается съ Васькой*).

Васька. Семень Гавриловичъ, воротись, лапти налезь.

Семень. Отвяжись нечистый!

Васька. Проходи, чистый! Вотъ Анна Николаевна и достала я скляночку... Не велика штука, а веселья много дастъ... (*Слышенъ свистокъ*) Загудѣлъ, дьяволъ! Дай-ко посудинку перелить, пока не забытъ.

Анна (*приноситъ изъ кухни рюмку*). Па.

Васька. Тропуть, двинуть и опрокинуть. Мерсите Вамъ.

(*Входитъ Михайло*).

Михайло (*онъ уже выпилъ*). Вася другъ неоцѣненный, я къ тебѣ, ты меня приглашашь.

Васька. Ужъ напоялся двухглазый.

Михайло. Ни-ни... Это я отъ природы веселый... А, Анна Николаевна, мое почтеніе... А гдѣ Андрюша?

Анна. Не пришелъ еще.

Михайло. Такъ... Ты это надъ чѣмъ Вася стараешься?

Васька. Надъ сосудомъ.

Михайло. Хорошій ты человекъ, Вася... Компанейскій парень.

Васька. Ладно... знаю.

Анна (*про себя*). Что это Андрей не идетъ?

Васька. Не мѣшокъ съ золотомъ, не пропадетъ!

Михайло. Чорту не надо, а Богъ не возьметъ (*смѣются*).

(*Анна выходитъ на улицу*).

Васька (*наливая рюмку къ Михайлу*). Хочешь?

Михайло. Охъ, Вася!

Васька. Отгадай загадку—выпьешь, не отгадаешь—поглядншь.

Михайло. Загадывай...

Васька. Сидитъ кошка на окошкѣ, все какъ у кошки, и хвостъ какъ у кошки, и уши какъ у кошки, а не кошка? кто?

Михайло. Собака, Вася...

Васька (*смѣется*). Ахъ ты дуракъ!.. Котъ!.. Ну, погляди какъ пьютъ.

(*Пьетъ*).

Михайло. Угости Васпійі, расказъ расказу.

Васьна. Хорошіі?

Михайло. Въ лучшемъ видѣ.

Васьна. На, пей.

Михайло (*важно и таинственно*). Забастовочка, Вася, готовится.

Васьна. Врешь?

Михайло. Чудакъ, я и врать-то не умѣю. Завтра будетъ объявлено.

Васьна. Изъ-за процентовъ?

Михайло. Изъ-за нихъ.

(*Анна возвращается*).

Анна. Не видать что-то Андрея.

Михайло. У нихъ комиссія... рѣшаютъ дѣло... Забастовочка Анна Николаевна принается. Вотъ Андрюша и хлопочетъ.

Анна. Врешь?

Михайло. И эта „врешь“, да развѣ вру я когданибудь, чудакн народы.

Васьна. Аїда ко мнѣ.

(*Васька забираетъ бутылку и съ Михайломъ уходятъ къ нему въ комнату*).

Анна (*одна*). Опять забастовка! Снова голодъ... (*смотря въ уюль на икону*). Господи! Помоги мнѣ уговорить его... за ребенка прошу Тебя, онъ не виноватъ ни въ чемъ... Воже мой, Воже! Прости прегрѣшенія мои. Снова... Опять... давно-ли было... Давно-ли отъ голоду грызли сами себя... снова... за что-же?

(*Не находя словъ, шевелитъ губами и тревожно ждетъ прихода Андрея*). [*Входитъ Андрей, онъ взволнованъ, надвигающееся событіе мучитъ его*].

Анна. Андрюша, что ты долго не приходишь?

Андрей. Я былъ занятъ... Занятъ я былъ...

Анна. Садись обѣдать.

Андрей. Хорошо... Обѣдать мнѣ не хочется, т.-е. я буду обѣдать. Ребенокъ спитъ?

Анна. Спитъ...

Андрей. Я сейчасъ... Помою руки (*идетъ въ кухню*).

Анна (*съ тоской*). Опять такой-же...

Андрей. Дай полотенце... (*вытираетъ руки*). Что ты на меня такъ смотришь?

Анна. Ты какой-то другой...

Андрей. Нѣтъ, я такой-же, это тебѣ показалось (*садится обѣдать, изъ-за стѣнки слышны смѣхъ и голоса „не можетъ быть?!“—Чудакъ, да я и врать-то не умѣю*). Кто тамъ?

Анна. Михайло и Васильи.

Андрей. Опять пьянствуютъ?

Анна. Да.

(*Молчаніе*).

Анна. Тебѣ приготовить на заводъ завтракъ?

Андрей. Нѣтъ не надо... Я не пойду на заводъ.

Анна (*испузанно*). Ты сегодня не пойдешь?

Андрей. Ни сегодня, ни завтра... Не знаю когда.

Анна (*съ страстнымъ порывомъ*). Андрияша... я знаю, что у васъ забастовка. Уйди отъ нихъ, не бастуй... Мы снова будемъ голодать... Снова нищета... Мнѣ говорилъ Семень, что забастовщиковъ не возьмутъ на работу... у насъ ребенокъ... Андрей, пожалѣй его... не ходи на соборанія, тебя убьютъ... Андрияша, соколикъ мой! (*Анна хвататъ его руки и цѣлуетъ ихъ*). Не ходи, снова голодь...

Андрей (*освобождая свои руки испузанно*). Анна, жена... что ты говоришь? Никогда! Это уже рѣшено, мы бастуемъ! Слезы матери... жены... дѣтей... не остановятъ меня. Проклятыя не повернутъ меня обратно. Что ты говоришь Анна!

Анна. Андрияша! Андрияша! Пожалѣй дѣтку, меня..
Пожалѣй Андрияша! (*Плачетъ*).

Андрей. Давно нѣтъ жалости въ людяхъ, жена. Давно нѣтъ. И не жалости нужно учить людей, а жестокости и мести... Мести надо учить... И мнѣ повернуть обратно, пойти на сдѣлку!? Нѣтъ это невозможно! Нѣтъ! нѣтъ!
(*взволнованно ходитъ*).

Анна (*со злобой*). Есть люди, которые иначе думаютъ... Я позову Семена, онъ скажетъ тебѣ, если не вѣришь мнѣ, о томъ что готовится. Онъ все знаетъ.

Андрей. Я выгоню его.

Анна. Нѣтъ, ты не выгонишь... Онъ докажетъ тебѣ твою глупость. (*Быстро идетъ въ кухню*). Да, онъ докажетъ тебѣ...

(*Андрей ходитъ взволнованно по сценѣ одинъ*).

Васьяна (*въ дверяхъ... онъ пьянъ*). Андрияша—другъ! Это ты шумишь, а я думаю кто порядочный... Иди къ намъ, у насъ братъ, зелена вина—до лѣшаго.

Андрей. Оставь меня...

Васьяна (*выходитъ*). Ты не серчай главное дѣло. Былъ дане здѣсь Сенька—черный воронъ—озлилъ я его страсть! Я вѣдь все понимаю, я хоть и пьянъ, а все понимаю... Такъ съ двухглазымъ и пойдѣмъ хоть въ огонь, хоть въ воду...

(*Къ Михайлу*).

Двухглазый, ты пойдѣшь въ огонь и въ воду?

(*Голосъ Михайла*).

Все равно.

Андрей. Василій уйди отъ меня...

Васьяна. Люблю я тебя, Андрияша, дай я тебя поцѣлую (*мъзетъ цѣловаться*).

Андрей. Уйди отъ меня... ты пьянъ...

Васьяна. Серчаешь? ну, ладно, я уйду.

(*Васьяна уходитъ*).

Андрей (*одинъ*). Сколько такихъ, какъ онъ (*ходитъ*).

(*Входитъ Никандръ*).

Никандръ. Тысяча проклятій! раздѣлились на двѣ партіи и спорить.

Андрей. Въ чѣмъ-же дѣло?

Никандръ. Дѣла нѣтъ никакого... Пусякъ, въ принципахъ не сошлись... Глупо... Развѣ время спорить? Но люди до сихъ поръ не понимаютъ этого. Пусятъ споры... слова... и только...

Андрей. Но забастовка рѣшена, чего-же еще?

Никандръ. Нѣкоторые пьяные ходятъ уже и кричать по улицѣ... Дико... глупо.

Андрей. Но вѣдь нельзя ждать, нельзя терпѣть.

Никандръ (*какъ-бы про себя*). У меня про себя рѣшено— смерть... Пусякай! И тогда только одно проклятіе всему. Когда я появился на свѣтъ, родитель мой съ проклятіемъ встрѣтилъ меня, такъ какъ я явился не во время. Теперь мнѣ пятьдесятъ лѣтъ, пятьдесятъ лѣтъ я проклинаю. Проклинаютъ и меня. Не было въ моей жизни свѣта... я молчу и думаю, что я злой. Проклятія закрыли мой ротъ. Никто не знаетъ Андрей, что я до слезъ радъ первой травкѣ... Ни кто не знаетъ этого (*говорить взволнованно*).

(*Входятъ Анна и Семенъ*).

Семенъ. Она привела меня, зачѣмъ не знаю...

Анна (*возбужденно*). Слушайте Семена и ты Никандръ. Слушайте вѣтринныя головы...

Семенъ. Я ничего не знаю... что такое?

(*Никандръ сурово на него смотритъ*).

Андрей. Что ты говоришь о забастовкѣ? Зачѣмъ ты внесешь ужасъ въ дома?

Семенъ (*съ внезапной злобой*). А вотъ въ чѣмъ дѣло... ладно, слушайте... я не боюсь васъ, я скажу Вамъ мою правду... Вы не любите и презираете меня... Пусякай. Но развѣ не знаете вы, что прошлый разъ, когда вы бастовали, я тоже шелъ вмѣстѣ съ вами... Однако что получили? ничего... и покоренные поголодавъ вволю, пришли на заводъ и согласились на все, чтобы только не уме-

реть съ голоду... Я пожилъ, мнѣ жаль вашихъ ребятъ и вашихъ женъ... Новое безумство вамъ не дастъ ничего!
(*Жестикулируетъ пальцами*):

Никандръ (*медленно, сурово, одностонно*). Двадцать пять лѣтъ назадъ я поступилъ въ циркъ... тамъ на моей груди разбивали молотами бульжники... Теперь болитъ моя грудь, тяжесть кошки ей не подь силу... Мое тѣло было крѣпкое и мускулистое, я гнулъ подковы и ставилъ торцомъ вагоныя оси съ колесами... Теперь мое тѣло пропахло дымомъ, оно изъѣдено некрами... Мои легкие я раздувалъ самоваръ, какъ мѣхами, теперь они изъѣдены газомъ. Видаль-ли ты, какъ горитъ мѣдь бѣловатымъ пламенемъ. Среди него я пробылъ двадцать лѣтъ и ядовитые газы испортили мои легкія... Понимаешь-ли это? Моя сила, мое здоровье пропали (*повышая голосъ*). Да, они пропали потому, что мнѣ было нужно ѣсть и я продавалъ себя... Меня покупали какъ лошадь, пока я былъ здоровъ... А теперь, когда я старикъ, когда мои глаза плохо видятъ, меня дѣняютъ грошамъ... Я получаю только чтобы не умереть съ голоду. Если я потеряю зрѣніе, куда я пойду? Это тоже правда. Гдѣ-же отвѣтъ на нее?

Андрей (*къ Семену*). Говори!

Семень (*упрямо и насмѣливо*). Я сказалъ... И прибавлю только, что забастовщиковъ назадъ не примутъ.

Анна. Вы слышите? Слышите-ли, что мы все какъ черви погибнемъ съ голоду... тогда будетъ лучше.

Андрей. Постои жена...

Анна. Нѣтъ, я не буду ждать, я пойду, я закричу на улицѣ, что ты убиваешь ребенка и меня.

Андрей (*сильно и убѣжденно*). А!.. Ты поступишь такъ? Но я скажу тебѣ, что улица отвѣтитъ молчаніемъ... Поймите вы, что нельзя терпѣть... Измучены мы (*къ Семену*). А твою правду презираю. Это правда работъ... Скоро десять лѣтъ какъ я машинистомъ, десять лѣтъ какъ я во власти этого дьявола (*быстро подходитъ къ окну и показываетъ на заводъ*). Десять лѣтъ онъ пьетъ мое здоровье... Но я хочу иной жизни. Кто имѣетъ право вмѣшиваться въ мою жизнь, коверкать ее, заставить меня жить такъ, а не иначе... Я знаю своего врага. Но

въ моей драмѣ, есть нравственная вина другихъ— отвѣчайте-же мнѣ, гдѣ это право? Жизнь превратилась въ тюрьму, но я лучше погибну подрывая ея своды, чѣмъ чахнуть постепенно... Молчите? Такъ знайте, что я найду отвѣтъ! Я заставляю заговорить со мной виноватыхъ... Я спрошу, гдѣ-же это право? гдѣ эта истина?

(*За стѣной слышно, поютъ: „Лѣтъ двѣнадцати я была...“* Голосъ *Васьки*: Врешь! *Михайла*—вотъ чудакъ, да я и прать-то не умѣю, ей Богу!)

Семень. Какъ хочешь... воля твоя, болѣ тебя...

(*Слышенъ выстрѣлъ, Андрей перелябывается съ Никандромъ и оба идутъ къ двери*).

Анна. Андриуша! не уходи... соколикъ (*слышенъ его юлозь изъ кухни, который постепенно затихаетъ*). Андриуша! Господи! Ушелъ.

Семень (*одинъ*). Такъ... Плохо это, когда ума въ головѣ нѣтъ. (*Со вздохомъ*).

(*Подходитъ къ окну и смотритъ на улицу*).

Васька (*изъ дверей*). Семень Гавриловичъ! Ты-ли это? Двуглазый иди сюда... Черный воронъ прилетѣлъ.

Михайло. Ну-ко, покажи... (*входитъ*). А, Соловей-разбойникъ!

Васька. Малюта Скуратовъ...

Михайло. Шейлокъ...

Семень. Что я вамъ сдѣлать, пьяницы? Что вы лаетесь?

Васька (*и Михайло хохочутъ*). Кикимора.

Михайло. Тигра.

Васька. Лыцарь.

Михайло. Всадникъ... (*смѣются*). Трапезонъ... [*Семень плюетъ и уходитъ*]. *Входитъ Анна*.

Анна. Ушелъ... ушелъ.

Васяна (*поетъ*). „О чемъ красавица грустишь“ (*Анна плачетъ*) [*къ Михайлу*]. Поїдемъ ко мнѣ, здѣсь, братъ, плачуть...

Михайло. Поїдемъ Вася (*уходятъ... слышно какъ опять поютъ ту-же пьеню*).

(*Дыстръль*).

Анна (*съ ужасомъ вскакивая*). Убили! (*стоитъ и тревожно ждетъ*).

ЗАНАВѢСЪ.

Акты второй.

Вечеръ.

Та-же комната. На столѣ горитъ огарокъ. Прошелъ мѣсяцъ. Голодь и ужась подстерегаютъ Андрея. Анна и Андрей возвращаются съ кладбища, они похоронили только что ребенка.

Андрей (*садится къ столу и закрывъ лицо руками*).
Никогда его не будетъ... Никогда...

Анна (*злымъ шопотомъ*). Молчи!.. ни слова... Ты убить его!.. Молчи...

Андрей. Анна! ты несправедлива. Это они отняли нашего ребенка. Они голодомъ уморили его.

Анна. Лжешь... молчи... Зачѣмъ ты лжешь? Посмотри, тѣ, кто не бастовали, давно работаютъ. А ты... ты не хотѣлъ идти просить хозяина, чтобы онъ простилъ тебя. Ты гордь. Молчи!.. ты убить его. Почему ты не пошелъ проситься на заводъ, когда видѣлъ что ребенокъ умираетъ отъ нетощенія. Почему? Говори?

Андрей (*гордо*). Никогда! Никогда жена! (*Встаетъ*).
Слышини никогда! Одна злоба въ душѣ моей. Проклятіе имъ!

Анна. Кляни, они живутъ хорошо, а твой ребенокъ? Онъ умеръ. (*Рыдаетъ и быстро идетъ въ кухню*). Умеръ... умеръ...

(Изъ кухни слышно, какъ она качаетъ пустую колыбель, плачетъ и поетъ: „о, о, о! баю, бай“. Андрей прислушивается. Онъ встаетъ, видитъ на полу куклу, поднимаетъ ее, странно улыбається и кладетъ въ боковой карманъ).

Андрей (*въ кухню*). Анна (*пауза*). Анна!

(Голосъ Анны: „что?“).

Зачѣмъ ты качаешь пустую колыбель и поешь? Не нужно это...

(Голосъ Анны: „нѣтъ, нужно... Мнѣ лучше такъ... Уйди, не говори со мной“).

(Большая пауза).

(Входитъ Никандръ).

Андрей. Спасибо, товарищъ, что ты пришелъ ко мнѣ.

Никандръ. Схоронить?

Андрей. Да...

Никандръ. Почти все работают... Горсточка непорочныхъ отрѣзана отъ завода.

Андрей. Что думаютъ дѣлать они?

Никандръ. Нѣкоторые идутъ съ повинной... другіе... не знаю. А ты что хочешь дѣлать?

Андрей (*съ злымъ смѣхомъ*). Проклипать и ненавидѣть...

Никандръ. Хлѣбъ есть?

Андрей. Нѣтъ.

Никандръ. На. Я принесъ, сколько было... Ышь.

(*Андрей смотритъ жадно на хлѣбъ, отламываетъ. Быстро ѣсть и остатокъ уносить женѣ. Возвращается*).

Андрей. Нѣтъ хлѣба, нѣтъ свѣта... дѣтка мой... онъ умеръ. Никандръ! зачѣмъ такая жизнь!! Зачѣмъ такъ жестока она?

Никандръ. Жестока?.. Это борьба...

Андрей. Да, борьба грозная, и горе, если не выдержишь ее.

Никандръ. Мы во власти жизни, у нея желѣзныя руки, она безъ сердца.

Андрей (*подходитъ къ окну и смотритъ на зиноръ*). ...Глядитъ загодъ въ темноту огненными глазами и питается мясомъ человѣка... А мы ушли отъ него и насъ съѣсть жизнь. Вездѣ открытыя пасти... (*Странно смѣется. Большая пауза*).

(*Входитъ Семень*).

Андрей (*строю*). Ты зачѣмъ?

Семень. Я къ тебѣ Андрей... Видишь-ли, у меня къ тебѣ дѣло.

Андрей. Не можетъ быть у меня съ тобой дѣло.

Семень. Выслушай, выслушай другъ.

Андрей. Говори.

(Семень отводитъ въ сторону Андрея и шепчетъ).

Андрей *(тихо къ Семену)*. Вошь! сію минуту вошь, негоднй! Или я расшибу тебѣ башку, въ которой гнѣдятся твои подлыя мысли!..

Семень *(пляшется, испуганно)*. Я... я уйду *(уходитъ)*.

Никандръ. Что онъ сказалъ тебѣ?

Андрей *(взволнованно)*. Гнусный человѣкъ! Онъ пришелъ отъ имени управляющаго, чтобы я уговорилъ непокорныхъ и мнѣ обѣщали за это работу... Негоднй! Они думали воспользоваться моимъ горемъ, моей слабостью и захватить меня въ расплохъ. Но я еще достаточно силенъ. Голодь не сломишь меня и я сумѣю постоять за себя. Пусть знаютъ, что Андрей Корневъ не торгуется честью.

Никандръ. Да, это вѣрно...

(Входитъ Анна).

Анна. Ты прогнать Семена! Ты и жену хочешь, какъ ребенка, вогнать въ гробъ.

Андрей. Неужели ты не можешь понять, что...

Анна *(перебивая)*. Я не хочу понимать тебя. Твое упрямство сказалося уже на ребенкѣ...

Андрей. Анна, не мучь меня, мнѣ слишкомъ тяжело.

Анна *(зло)*. А! тебѣ тяжело, а я не человѣкъ... Мнѣ легко!?

(Она что то вспомнила и не договаривая уходитъ).

Никандръ. Крѣпись, товарищъ. мѣсяць голодаемъ, подождемъ еще.

(Входитъ Васька и Мисайло, они оба пьяны... Одежду пропили съ себя, въ ободрункахъ костюмахъ).

Васька. Добраго здоровія, комиссія честная!

(Внимаетъ бутылку и ставитъ на столъ).

Налетайте православные!

Михайло. Можно, Вася, я и крылышки распустишь.

Васька. Ты у меня ореть по этой части.

Никандръ. Вы работаете?

Васька. А почему и не работать. Вторую получку пропиваемъ. Стуртуки и брюки, чтобы легче ходить... Милое дѣло!

Никандръ (*къ Андрею*). Пойдемъ пройдемся...
(*Оба уходятъ*).

Михайло. Унесъ нечистый духъ, ну и несъ съ нимъ.

Васька (*открываетъ бутылку и поетъ пьянымъ изломомъ*):

Болитъ сердце и печенка,
За рѣвкой живеть дѣвченка,
Кабы лодочка была,
Перебрался-бы туда!

Рюмку, двуглазый!

Михайло. Готово товарищъ... (*Достаетъ изъ кармана стаканъ*).

Васька. Товарищъ тебѣ Тамбовскій волкъ... Однако откуда стаканъ?

Михайло. Извини Вася, въ пивной пристасть, океаннѣй, никакъ не могъ отрясти.

Васька (*смѣется*). Украсть?

Михайло. Стяжалъ.
(*Смѣются*).

Васька. Ну, ладно, все равно (*наливаетъ стаканъ и пьетъ*). Охъ, славно, какъ Христось по душу пришелъ. Пей!

Михайло (*пьетъ*). Славно!

Васька. Сносимъ?!

Михайло. Что хочешь...

Васька. Начинай.

(*Хрипло и пьяно поютъ*)

Лѣтъ двѣнадцати была,
Я коровъ доила,
Гдѣ ребятъ качала я,
Босникомъ ходила.

Васька. Пѣтъ, братъ, худо.

Михайло. Жалобно Вася...

Васька *(сердась)*. Пошелъ къ чорту! Спать хочу.

Михайло. А поди сосни... Я подожду...

(Васька встаетъ, шатается и уходитъ къ себѣ, Михайло налиываетъ, пьетъ, забираетъ бутылку и тихо уходитъ совсѣмъ).

(Пауза).

Васька *(изъ-за стѣны засыпая)*. Двуглазый! Я гдѣ? Какъ ты говоришь? въ каютѣ?

(Засыпаетъ).

(Пауза).

(Входитъ Андрей).

Андрей. Темно... холодно... дождь...

(Случайно кладетъ руку въ карманъ и вынимаетъ кулку, долго смотритъ на нее).

Ничего не осталось, все, все пропало... Куда идти къ кому?! Темно! холодно... Дождь...

(За окномъ слытны свистки полицейскаго, кто то кричитъ: „Караулъ!“).

Голова болитъ, мысли путаются.

(Большая пауза).

(Входитъ лавочникъ).

Лавочникъ. И темно-же у васъ въ сѣняхъ. Здравствуйте, человекъ хорошиі.

Андрей. Что нужно?

Лавочникъ. Не узналъ, мисый человекъ! Я торговецъ Шля Ивановичъ! Должокъ за вами. Позвольте получить?

Андрей. У меня нѣтъ денегъ.

Лавочникъ. Ничего не знаю. Какъ вамъ будетъ угодно, только порядочные люди такъ не дѣлаютъ. Я самъ человекъ бѣдный... Довольно странно.

Андрей *(раздражаясь)*. У меня нѣтъ денегъ.

Лавочникъ. Ничего не знаю. Тогда къ мировому пожалте. Товаръ бралш...

Андрей. Оставьте меня... Ну, потомъ, не сей-часъ. Поимте, не сей-часъ...

Лавочникъ. Почему не знаю... Пожалте!

(Андрей быстро встаетъ, беретъ шляпу и молча уходитъ).

Лавочникъ (въ слѣдъ). Ничего не знаю... (одинъ). Довольно странно, ушелъ, меня оставилъ. Свѣча горитъ, пожаръ можетъ произойти. Довольно странно!.. однако... Охъ! грѣхи... грѣхи.

(Уходитъ).

(Пауза).

(Анна входитъ закутывая платкомъ, достаетъ изъ него полбутылку, ставитъ ее на столъ. Озирается... Садится. Руки дрожатъ, когда она открываетъ бутылку. Пьетъ водку быстро изъ горлышка).

Анна (они быстро пьянѣетъ). [Поетъ: бай, бай, мои милые, бай, бай!]. Да, убѣтъ его!.. (Пьяно плачетъ) спитъ моя крошечка въ сырой землѣ... Холодно... холодно ему... Никогда не скажетъ мнѣ: „мама, бай хочу“! Никогда не скажетъ! (Пауза). Крошка моя! Отецъ загубилъ тебя... Онъ убилъ тебя (тихо плачетъ).

(Входитъ Андрей. Видитъ Анну и въ ужасъ останавливается).

Андрей. Анна! Аня! что ты дѣлаешь?!

Анна (встаетъ, шатается, платокъ спалъ съ головы. Она безобразна). Я, Анна, жена твоя. Убей меня, кровопивецъ... Видишь пьян я. (Смѣется). Ну, скажи свою проповѣдь, великомученикъ! Скажи! (злобно). На, сволочь! (Быстро размахивается и ударяетъ Андрея по щекъ, который стоитъ неподвиженъ и блѣденъ). Молчишь?! Смотри, какъ я пьян. (Быстро вытываетъ все вино и безсильно опускается на стулъ). Дѣтка моя! дѣтка моя!..

(Огарокъ погасъ... Тѣма окутала все).

Анна. Погасъ... темно, какъ въ могилѣ... Холодно... ему... холодно...

(Слышно, кто-то тяжело спитъ и глухо зарыдалъ съ крикомъ сердца).

ЗАНАВѢСЬ.

Вологда,
сентябрь 1907 года.

Цѣна 25 коп.

Окладъ изданія

Вологда

Писчебумажный магазинъ

И. И. СОКОЛОВА.